

Н. В. Пестова

Екатеринбург

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕКСТЫ МОДЕРНИЗМА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: абсолютная метафора; абстрактные формы; демонизация объектного мира; деформация личности; диссоциация Я; интерпретация текста; картина мира; компетенция; модернизм; современный человек; метафора безумия; отчуждение; очуждение; опредмечивание; одушевление; самоидентификация; самоотчуждение; утрата персональной идентичности; функция очуждения; экспрессионизм.

АННОТАЦИЯ. На примере немецкой экспрессионистской новеллы А. Дёблина 1910 г., включенной в программу по интерпретации художественного текста обсуждаются ключевые понятия и важнейшие характеристики литературы экспрессионизма и модернизма, входящие в специальную компетенцию филолога.

N. V. Pestova

Ekaterinburg

KEY TEXTS OF MODERNISM AT THE FICTION INTERPRETATION CLASSES

KEY WORDS: absolute metaphor; abstract forms; demonization of the object world; deformation of personality; text interpretation; self-dissociation; world view; competence; modernism; a modern person; insanity metaphor; alienation; estrangement; objectivation; animation; self-identification; self-alienation; loss of personal identity; function of estrangement; expressionism.

ABSTRACT. The article discusses key notions and major features of expressionism and modernism literature which form special competence of a future philologist on the example of an expressionist short story by A. Döblin (1910) included into the syllabus «Interpretation of Fiction Texts».

Выбор учебного текста для занятий по интерпретации текста на факультетах иностранных языков должен быть не только обусловлен необходимостью успешного развития навыков и умений устной и письменной речи, стилистического и других видов текстового анализа, но и нацелен на достижение более специальных профессиональных целей, которые ставит перед собой высшее филологическое языковое образование в процессе формирования необходимых компетенций. Очевидно, что предусмотренные Федеральным государственным образовательным стандартом и учебным планом теоретические и практические занятия по зарубежной литературе, изолированные от других языковых дисциплин, не могут полностью решить задачи по развитию общекультурной и специальных компетенций, по приобретению умений и навыков чтения и интерпретации иноязычного текста художественной литературы, особенно, если речь идет о литературе модернизма или постмодернизма. Лекционные и лабораторные занятия по зарубежной литературе, как правило, не предполагают кропотливой и скрупулезной работы с языковым материалом. Таким образом, учебное занятие с преподавателем по интерпретации текста восполняет недостающие звенья в приобретении профессиональных навыков филолога и становится своеобразной школой чтения сложных для понимания и толкования произведений художественной литературы. Одним из таких текстов, открывающих путь к про-

чению других сложнейших произведений литературы модернизма, может служить новелла немецкого писателя А. Дёблина «Убийство одуванчика» («Die Ermordung einer Butterblume», 1910), написанная им в экспрессионистский период его творчества. В ней автор, врач по профессии, отрабатывает центральные понятия не только экспрессионизма, но и всего модернизма в целом: отчуждение и самоотчуждение, деформацию или диссоциацию личности, ее разрыв с природой, обществом, Богом и другие кризисные моменты и катастрофы, постигшие «модерного человека» [1].

Литература сегодняшнего дня немалым образом лишена новых элементов картины мира, которая в переломную эпоху начала XX в. открылась «внутреннему глазу» (К. Эдшмид) экспрессионизма. К ним прежде всего следует отнести новый тип личности катастрофического типа, которая несла в себе хаос и протестовала против отчужденного технизированного мира, которая жаждала его обновления разными путями — в грандиозных визионерских предсказаниях и апокалипсических пророчествах, в утопиях братства и всеобщего счастья, в мессианских, активистских, эскапистских поисках, в «красоте безобразных картин» (Ф. Ницше), в революции и войне как очищении, в сотворении из Абсолюта новой абстрактной формы, неизвестной всему предыдущему искусству. Необычные экзистенциальные состояния такой личности на специфических аренах бытия, трагический характер ее отчуждения

от человека, природы и Бога противопоставили ее всему предшествующему искусству. Вторжение иррационального в жизнь индивидуума и интенсивная «жизнь нервов» (Г. Бар) городского интеллектуала, тотальная демонизация объектного мира и его «вгрызание в мозг субъекта» (С. Виетта), проникновение в литературу мощной волны абстрактного, преобразующего всю поэтическую материю, сделали экспрессионистскую картину мира уникальной. Тотальное отчуждение («Entfremdung») в антропологическом, социологическом и теологическом аспектах, составившее тематический фундамент и основную проблематику большинства литературных произведений экспрессионизма, разрешилось небывалым очуждением, или острашением, литературы и искусства («Verfremdung»).

В лирике и прозе экспрессионизма завершился процесс создания таких метафорических механизмов, в результате которых появляется «абсолютная метафора» и формируются совершенно новые концепты. «Абсолютная метафора» обретает в литературе экспрессионизма статус конструирующего элемента альтернативной авторской реальности. Она представляет собой тем или иным способом отчужденный от реальной действительности признак, базирующийся на создании творческим субъектом тотального тождества между объектами этой действительности. Появление новой «реальности» достигается посредством снятия, или замалчивания, донора и реципиента признака и выдвиганием на передний план *tertium comparationis* — эфемерного, неуловимого, не поддающегося рациональному познанию «Абсолюта», неспособного быть выраженным какими-либо предикатами. Процессы познания и художественного творчества в экспрессионизме приравняются друг к другу, и метафора перестает быть средством риторического украшения, но становится способом постижения действительности, получает гносеологический и онтологический статус. Важнейшей функцией такого рода метафоры становится функция очуждения.

Проза экспрессионизма, подобно поэзии, противопоставляет духоте и банальности внешнего мира обнаженную структуру души: в центре прозы стоит человек страдающий, надломленный, истерзанный, в плену собственной отрешенности и изолированности, своих страхов и своего отчуждения. Всякое движение и изменение такой личности представляет собой не поступательное развитие, а душевный вопль, рывок, прорыв, бегство, часто связанные с насилием или патологическим состоянием. Не случайно трое из крупнейших немецкоязычных про-

заиков этого периода, заглянувших в самые темные и тайные уголки человеческой экзистенции — А. Дёблин, Г. Бенн и Э. Вейс, — были докторами медицины. Литературоведы называют экспрессионистскую прозу «научно-познавательной прозой-рефлексией» [2. С. 153]. Эти черты сформировали ее специфический профиль и подготовили дальнейшее развитие эпики, которую начиная с австрийцев Р. Музиля и Г. Броха станут именовать «экзистенциальной» [3. С. 157].

Мотив и метафора «безумия» относятся к важнейшим элементам экспрессионистского видения. Присущая всему мотиву безумия амбивалентность и нечеткость границ между реальностью и представлениями безумцев пронизывают всю экспрессионистскую прозу, которая благодаря этим свойствам метафоры безумия всегда остается для интерпретатора двусмысленной, нестатичной. В новелле А. Дёблина «Убийство одуванчика» этот мотив толкуется и как разоблачение латентной криминальной склонности бюргера, и как повышение ценности патологического в обретении всей полноты жизни и освобождение от давления реального мира [4. С. 37]. В «экспрессионистское десятилетие» метафора безумия покидает область только медицинской патологии и обретает экзистенциальное звучание, а сумасшествие как индивидуальная судьба романтического героя трансформируется в судьбу коллективную.

Интерес к безумию в последующих авангардных течениях, теории и практике искусства не только не ослабел, но и остался неотъемлемой частью общественно-критических воззрений XX в. Один из современных швейцарских авторов Б. Штраус считает, что безумие стало сегодня «одной из самых обычных метафор вообще для выражения состояния индивидуума, для интернированных сил его фантазии, среди того общества, которое во имя разума осуществляет самые изощренные и извращенные формы подавления и господства» [Цит. по: 5. S. 168]. Эта цитата точно характеризует коллизии изучаемой новеллы А. Дёблина, героя которой Михаеля Фишера банальное обстоятельство («Plötzlich sah Herr Michael Fischer, während sein Blick leer über den Wegrand strich, wie eine untersetzte Gestalt, er selbst, von dem Rasen zurücktrat, auf die Blumen stürzte und einer Butterblume den Kopf glatt abschlug.») «сбивает с толку» в буквальном понимании этого фразеологизма и выбрасывает за рамки нормального течения жизни. Протагонист вдруг «выходит из себя» («außer sich»), начинает видеть себя словно снаружи («von außen») и перестает контролировать свои действия. Шаг за шагом контроль сознания ослабевает, и прота-

гонист, который в начале новеллы именовался как «HERR» — господин своих мыслей и поступков, — теряет самообладание и уступает арену действия отдельным частям своего тела. Они обретают зловещую самостоятельность и не подчиняются более своему хозяину («die... Augen starrten», «die Arme schlenkerten», «zuckte der Kopf», «machten die Hände... Abwehrbewegungen»), происходит процесс полного самоотчуждения. Даже грамматические конструкции — отсутствие обычных в таком случае притяжательных местоимений при существительных, обозначающих части тела («его глаза», «его руки», «его голова»), — подчеркивают процессы опредмечивания живого, олицетворения, или одушевления, вещного («Verdinglichung», «Vermenschlichung») [2. S. 40] и отчуждения («Entfremdung»), непрерывно совершающиеся в очужденных пространствах экспрессионистских произведений. Работа с текстовой материей, выстроенной по определенным законам, — нагнетание метафоры безумия и преобладание синекдохи как сигнала деперсонализации; эротические символы, искусно упрятанные в одушевленный растительный мир; постоянная смена перспективы (изнутри — снаружи), несобственно-прямая речь, особая пунктуация и деление на абзацы — позволяют внимательно читателю проследить путь протагониста до момента полной утраты собственного Я.

Традиционные модели интерпретации этой новеллы, которые можно свести к трем — биографической, психоаналитической и социально-критической — выявляют основные проблемные узлы произведения: одиночество и изоляцию городского жителя, недостаточность его социальных и личност-

ных связей и дефектную коммуникацию, жесткий диктат предписанных норм поведения, тщетную попытку героя восстановить равновесие в некоей гармонии с природой, утрату контроля над своей личностью, а также мотивы вины, саморазрушения, безумия, смерти, неразрывную связь Эроса и Танатоса.

Сложнейшие проблемы личностной самоидентификации, обсуждаемые в новелле «Убийство одуванчика», оказываются магистральными для литературы XX и XXI в., а утрата персональной идентичности современным человеком, т. е. проблема «диссоциации Я», как современная западная германистика формулирует центральный тезис литературы начала XX в. («Ichdissotiation», «Ich-Zerfall») [2. . 30], выдвигается на передний план литературного произведения вообще в любые кризисные, переломные годы. Общественные катаклизмы всегда сопровождаются появлением литературы скандального, эпатирующего характера, будь то немецкая литература барокко, немецкий и австрийский экспрессионизм или шокирующие романы и пьесы Нобелевского лауреата 2004 г., австрийской писательницы Э. Елинек. Очевидная сложность таких произведений, обладающих для молодого неискушенного читателя отпугивающим эффектом, вполне преодолима и, более того, при кропотливой работе с текстом может стать привлекательной. Умение распознать в ткани литературного произведения модернизма указанные в статье явления и процессы становится ключевым для становления профессиональной компетенции, читательского опыта, развития вкуса и интереса к современной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПЕСТОВА Н. В. Ключевые тексты модернизма: А. Дёблин «Убийство одуванчика» : учеб. пособие для студ. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005.
2. VIETTA S., KEMPER H.-G. Expressionismus. 5., verbesserte Aufl. München : Wilhelm Fink Verl., 1994.
3. KFHLEH von E. Die Prosa des Expressionismus // Der deutsche Expressionismus: Formen und Gestalten. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1970.
4. KRULL W. Prosa des Expressionismus. Stuttgart : Metzler, 1984.
5. PHANTASIEN über den Wahnsinn: expressionistische Texte / hrsg. von Th. Anz. München. Wien : Hanser, 1980.

Статью рекомендует д-р пед. наук, проф. Н. Н. Сергеева